

*Patrick
Modiano*

SOUVENIRS DORMANTS

GALLIMARD

*Патрик
Модиано*

СПЯЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

*Перевод с французского
Нины Хотинской*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
М74

ISBN 978-5-7516-1532-4

© Editions GALLIMARD, Paris, 2017

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

Однажды на набережных у букинистов меня привлекло название книги: «Время встреч». У меня тоже было когда-то время встреч, в далеком прошлом. В ту пору я часто боялся пустоты. Это не накатывало на меня, когда я был один, но лишь с людьми, которых только что встретил. Я успокаивал себя мыслью, что всегда могу легко с ними разойтись. А то ведь иные из этих людей поди знай, куда могли увлечь. Лучше не ступать на скользкую дорожку.

Я мог бы вспомнить сначала о воскресных вечерах. К ним я относился с опаской, как все, кому знакомо возвращение в пансион зимой, в конце дня, в

час, когда смеркается. Потом это преследует их в ночных кошмарах, иногда всю жизнь. Воскресными вечерами несколько человек собирались в квартире Мартины Хейвард, и в их числе я. Мне было двадцать лет, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Чувство вины овладевало мной, как будто я был еще школьником и, вместо того чтобы вернуться в пансион, загулял.

Надо ли мне сразу рассказать о Мартине Хейвард и таких разных людях, окружавших ее в те вечера? Или лучше все по порядку, хронологически? Не знаю.

В четырнадцать лет я пристрастился к одиноким прогулкам по улицам в свободные от занятий дни, когда школьный автобус высаживал нас у Порт-д'Орлеан. Родители всегда отсутствовали, отец был занят своими делами, а мать тогда играла в пьесе в театре на площади Пигаль. Я открыл для себя в тот год — 1959-й — квартал Пигаль субботними вечерами,

СПЯЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

когда мать выходила на сцену, и часто возвращался туда в следующие десять лет. Я еще расскажу об этом кое-что, если хватит духу.

Поначалу я побаивался гулять один и, самоуспокоения ради, шел всегда одним и тем же маршрутом: улица Фонтен, площадь Бланш, площадь Пигаль, улица Фрошо и, наконец, по улице Виктор-Массе до «Буланжери», булочной на углу улицы Пигаль, на диво открытой всю ночь, где я покупал круассан.

В тот же год и в ту же зиму, по субботам, когда не надо было идти в колледж, я нес вахту на улице Спонтини перед домом, где жила та, чье имя я забыл и буду называть ее здесь «дочь Стёпы». Я не был с ней знаком, а адрес ее узнал от самого Стёпы во время одной из прогулок, на которые водили меня отец и он, Стёпа, по воскресеньям в Булонский лес. Стёпа был русский, друг отца, и виделись они часто. Рослый, с темными напома-

женными волосами. Ходил он в старом пальто с меховым воротником. На его долю выпало много превратностей судьбы. Ближе к шести мы с отцом провожали его до семейного пансиона, где он жил. Он сказал мне однажды, что у него есть дочь, моя ровесница, я и мог бы с ней подружиться. Сам он, судя по всему, с ней не виделся, она жила с матерью и ее новым мужем.

Субботними вечерами в ту зиму, прежде чем встретиться с матерью на Пигаль в ее уборной, я стоял перед домом на улице Спонтини и ждал, когда откроется тяжелая дверь со стеклянными вставками под черным кованым узором и появится девочка моих лет, «дочь Стёпы». Я был уверен, что она выйдет одна, направится в мою сторону, и будет естественно с ней заговорить. Но она так ни разу и не вышла из подъезда.

Стёпа дал мне и ее номер телефона. Трубку сняли. «Можно попросить дочь

СПЯЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Стёпы?» — сказал я. Молчание. Я представился как «сын друга Стёпы». Ее голос звучал весело и дружелюбно, как будто мы давно знакомы. «Позвони мне на той неделе, — сказала она. — Договоримся, встретимся. Знаешь, это сложно... Я не живу с отцом... Я тебе все потом объясню...» Однако на той неделе и все следующие недели той зимы я звонил и звонил, и никто не брал трубку. Два или три раза по субботам, перед тем как ехать в метро на Пигаль, я снова нес вахту перед домом на улице Спонтини. Все зря. Я мог бы позвонить в дверь квартиры, но был уверен, что, как и по телефону, мне никто не ответит. И потом, с той весны не было больше воскресных прогулок в Булонском лесу со Стёпой. И с отцом тоже.

Я долго был убежден, что настоящие встречи случаются только на улице. Вот почему я ждал дочь Стёпы на тротуаре, напротив ее дома, еще не познакомившись с ней. «Я тебе все потом объясню», — сказала она мне по телефону. Еще несколько дней ее голос, все более далекий, произносил эту фразу в моих снах. Да, я потому и хотел ее встретить: надеялся на «объяснения». Может быть, они помогли бы мне лучше понять моего отца, незнакомца, который молча шел рядом со мной по аллеям Булонского леса. У нас с ней, дочери Стёпы и сына друга Стёпы, несомненно, нашлось бы много общего. И я был уверен, что она знала об этом побольше меня.

СПЯЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Примерно тогда же мой отец за приоткрытой дверью своего кабинета говорил по телефону. Я услышал слова, которые меня заинтриговали: «русская шайка с черного рынка». Почти сорок лет спустя я наткнулся на список русских фамилий — это были крупные дельцы парижского черного рынка времен немецкой оккупации. Шапошникофф, Курило, Стамоглу, барон Вольф, Мещерский, Джапаридзе... Был ли и Стёпа среди них? А мой отец с фальшивыми русскими документами? В последний раз я задал себе этот вопрос, так и канувший без ответа в ночи времен.